

СТЕФАН ЦВЕЙГ

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Гувернантка

И вот наконец они в детской одни. Свет погашен. Между ними темнота, только две постели смутно белеют во мгле. Даже дыхания не слышно, можно подумать, они уже спят.

— Эй! — раздается робкий оклик. Это младшая, девочка лет двенадцати, тихо, почти боязливо, шепчет сквозь черную пелену.

— Ну, что тебе? — отвечает с другой кровати сестра. Она лишь на год старше.

— Не спишь еще? Вот и хорошо... Хотела рассказать тебе кое-что.

Напротив, от другой стенки, ни слова. Только шорох. Старшая уже сидит в постели и выжидательно смотрит на сестру: даже видно, как глаза поблескивают.

— Знаешь... я что тебе хотела сказать... Только сперва сама скажи: ты в последние дни ничего необычного за нашей барышней не замечала?

Старшая медлит, припоминает.

— Ну да, — задумчиво тянет она. — Хоть толком не пойму, что с ней такое. Но она не такая строгая, как раньше. Я тут два дня подряд домашнее задание не приготовила, так она даже слова не сказала. И потом она вообще такая... сама не знаю, какая. По-моему, ей совсем не до

нас, сидит себе в сторонке и даже не играет с нами, не то что прежде.

— По-моему, она страшно чем-то огорчена, только скрывает это, показывать не хочет. И к пианино больше не подходит, вообще играть перестала.

Снова повисает молчание.

Но тут старшая напоминает:

— Ты же рассказать что-то хотела.

— Ну да, только об этом никому, слышишь, совсем никому, ни маме, ни подружкам...

— Да конечно нет! — Ее разбирает нетерпение. — Ну, так о чем ты?!

— В общем, так... сегодня, когда мы уже спать уходили, я вдруг вспомнила, что не сказала нашей барышне «Спокойной ночи». А туфли уже сняла, но все равно пошла к ней, без туфель, на цыпочках, ну, чтобы вроде как сюрприз. И дверь тоже совсем тихонько так открываю. Сперва решила, что ее вообще в комнате нет. Хотя свет горит, но самой ее не видно. И вдруг слышу — ну и перепугалась же я! — кто-то плачет, и только тут увидела, что это барышня наша на кровати, вся одетая, лежит и головой в подушки зарылась. И горько так плачет, так всхлипывает, что я вздрогнула даже. Но она меня не заметила. А я сразу дверь потихоньку прикрыла. И даже еще постояла там, до того меня трясло всю с перепуга. И вдруг снова, даже через дверь, эти всхлипы услышала, и только тогда убежала поскорей.

Обе помолчали. Потом, совсем тихо, одна из девочек говорит:

— Бедная барышня!

Слова, оброненные в темноту, какое-то время, казалось, еще колышутся в ней приглушенным блуждающим эхом, потом все снова стихает.

— Хотела бы я знать, отчего она плакала, — гадают младшая. — В последнее время никто вроде бы к ней не цеплялся, даже мама придирааться перестала, а мы-то уж точно ничем ее не обидели. Отчего же она так плачет?

— Я, пожалуй, знаю, отчего, — со значением тянет старшая.

— Так скажи, скажи, отчего?

Сестра медлит. Потом, наконец, произносит:

— По-моему, она влюблена.

— Влюблена? — Младшая только плечиками передегивает. — Влюблена? Но в кого?

— А ты сама не замечаешь?

— Но не в Отто же?

— Нет? А он в нее? С какой тогда стати студент наш, хоть уже три года у нас живет, прежде никогда нас на прогулки не сопровождал, а в последние месяцы, что ни день, за нами увязывается. Вспомни, оказывал ли он нам знаки внимания хоть разок, прежде чем барышня у нас появилась? А теперь чуть не весь день возле нас крутится. Он же то и дело случайно с нами встречается, и всегда, видите ли, ненароком, то в Городском парке, то в Народном саду, то в Пратере, всюду, куда бы мы с барышней ни направились. Неужели не замечала?

Обомлев и даже запинаясь от испуга, младшая лепечет:

— Ну да... конечно замечала. Только я думала, это из-за...

Голос ее пресекается. Она замолкает.

— Мне тоже сперва так казалось, мы девчонки такие дуручки. И только потом до меня дошло: мы ему только как ширма нужны.

Теперь молчат обе. Кажется, разговор окончен.

Обе погружены в свои мысли, в может, в грезы или уже в сны.

Но тут вдруг из темноты снова раздается голосок младшей — растерянный, совсем беспомощный:

— Но отчего тогда она плачет? Ведь она же ему нравится. А я-то всегда думала, это так прекрасно, когда ты влюблен.

— Не знаю, — с отрешенной мечтательностью роняет в темноту старшая, — я тоже считала, что это, наверное, самое прекрасное чувство на свете.

В ответ, совсем тихо, с жалостью, уже с полусонных губ, слетает:

— Бедная барышня!

И лишь теперь в комнате воцаряется сонная тишина.

* * *

На следующее утро о вчерашнем разговоре больше ни слова, но каждая чувствует — мысли у обеих только об одном. Встречаясь на ходу, обе прячут глаза, но, когда исподтишка посматривают на барышню, взгляды их невольно пересекаются. За столом наблюдают за Отто, кузенком, как за чужаком, хотя тот уже который год у них живет. Они и не разговаривают с ним, но тайком, искоса следят за каждым движением — не подаст ли он безмолвные сигналы их барышне. Обе напряжены, обеих снедает беспокойство. И не до игр им сегодня, не зная, куда себя деть, они занимаются чем придется, всякой бесполезной ерундой, до того мучит их неразгаданная тайна. Лишь к вечеру, холодно, с деланным безразличием, одна спрашивает другую:

— Заметила что-нибудь?

— Да нет, — откликается сестра, отворачиваясь.

Продолжать разговор обеим почему-то боязно. Так и проходят несколько дней — в безмолвном наблюде-

нии, в томительном ожидании неведомо чего, в нарастающей неосознанной тревоге от все более явственного приближения к тайне, к ее смутно брезжащей разгадке.

Наконец, еще через пару дней, за обедом, одна из девочек замечает: барышня глазами подает Отто едва заметный знак. Тот в ответ слегка кивает. Дрожа от волнения, младшая под скатертью хватается сестру за руку. Та поворачивается — и встречает сияющие глаза сестренок. Ей сразу все становится ясно, а значит, лихорадочное беспокойство перекидывается и на нее тоже.

Как только все встают из-за стола, гувернантка как бы между прочим бросает девочкам:

— Побудьте у себя в комнате, займитесь чем-нибудь. У меня что-то голова разболелась, я на полчаса прилягу.

Девочки послушно опускают глаза. Но тайком слегка соприкасаются руками, подавая друг другу сигнал. И едва барышня выходит из столовой, младшая подсакивает к старшей:

— Вот увидишь, сейчас Отто к ней пойдет.

— Да уж конечно. Иначе чего ради она нас выставила.

— Надо у двери подслушать!

— А если придет кто-нибудь?

— Да кто?

— Мама.

Младшая пугается.

— Ну, если мама...

— Знаешь что? Я встану у двери, а ты здесь, в коридоре, побудь, и если услышишь кого, подашь мне знак. Так нас никто не застукает.

Младшая хмурится:

— Ага, а ты мне потом ничего не расскажешь!

— Я тебе все расскажу.

— Честно?.. Все-все?

— Слово даю. А ты стой там и кашлянешь, если кого услышишь.

Притаившись в коридоре, дрожа от волнения, девочки ждут. Сердце колотится от страха. Что сейчас будет? Они прижимаются друг к дружке, теснее, еще тесней.

Но вот чьи-то шаги. Обе кидаются наутек, во тьму. И вовремя: это и вправду Отто. Едва слышно берется за ручку, тихо прикрывает за собой дверь. Старшая тотчас шмыгает туда и, прильнув к створке, старается не дышать. Младшая с завистью смотрит ей вслед. Потом, стораая от любопытства, покидает свой пост, решив подкрасться поближе. Но сестра гневным жестом гонит ее обратно. Проходят две, три томительные минуты, младшей они кажутся вечностью. Словно на раскаленных углях, она даже ножками перебирает от нетерпения. Вся дрожа, она чуть не плачет от возмущения и гнева: сестрице слышно все, а ей ничего! Но тут, еще не рядом, а через комнату, хлопает дверь. Сестренка кашляет. Обе стремглав мчатся к себе в детскую. И, даже оказавшись там, еще какое-то время стоят затаившись, под бешеный стук собственных сердец.

Но уже вскоре младшая теревбит сестрицу:

— Ну же, давай, рассказывай!

Та недоуменно хмурится. Потом задумчиво, словно говоря сама с собой, произносит:

— Не понимаю.

— Чего?

— Все так странно.

— Да что? Что? — задыхаясь от нетерпения, выпытывает сестренка.

Пока старшая мало-помалу приходит в себя, младшая прижимается к ней все крепче, лишь бы ни словечка не упустить.

— Это все так странно... совсем не так, как я себе представляла. По-моему, он, когда в комнату вошел, сразу обнять ее хотел, ну, или поцеловать, но она не позволила: «Оставь это, нам надо поговорить серьезно». Видеть-то я ничего не видела, в скважине с той стороны ключ торчал, но слышала все, каждое слово. «А что случилось?» — это Отто ее спрашивает, только я вот никогда не слышала, чтобы он так говорил. Ну, ты же знаешь, он обычно громко так разговаривает, уверенно, почти нахально, а тут вдруг робко, едва слышно, я сразу почувствовала, он чего-то боится. И она, по-моему, тоже сразу заметила, что он увиливает, потому что только и сказала, тихо-тихо: «Да ты сам знаешь». — «Нет, ничего я не знаю». — «Вот как? — это она ему, но с такой горечью, ужас просто. — Тогда отчего вдруг ты стал меня сторониться? Вот уже неделю словечка мне не скажешь, избегаешь меня при малейшей возможности, с девочками гулять больше не выходишь, в парке тоже не показываешься. Словно я тебе совсем чужая! О, ты прекрасно знаешь, в чем причина». Он на это помолчал, а потом говорит: «У меня экзамены скоро, мне заниматься надо, ни на что другое времени нет. Я просто не могу иначе». И тут она заплакала, а потом ему говорит, сквозь слезы, но нежно так, с любовью: «Отто, ну зачем ты меня обманываешь? Скажи мне все начистоту, я правда не заслужила от тебя лжи. Я же ничего не требовала, но объясниться откровенно все-таки нужно. Ты ведь знаешь, что я должна тебе сказать, я по глазам вижу, что знаешь». — «Да что, что?» — это он в ответ пробормотал, но совсем тихо, неслышно почти. И тут она ему сказала...

От волнения голос у нее пресекается, ее вдруг охватывает дрожь, она не в силах продолжить. Младшая прижимается к ней еще сильнее.

— Что? Что? Что она сказала?

— Она сказала: «Ведь у меня ребенок от тебя».

Будто громом пораженная, сестренка отпрыдывает.

— Ребенок? Ребенок! Быть не может!

— Но она так сказала.

— Тебе послышалось.

— Да нет же, нет! И он за ней повторил: точь-в-точь как ты, закричал прямо: «Ребенок!» Она долго молчала, а потом говорит: «Что теперь будет?» А дальше...

— Что дальше?

— А дальше ты кашлянула, ну я и убежала.

Младшая все еще растерянно смотрит прямо перед собой.

— Ребенок? Быть такого не может. Где он у нее, ребенок этот?

— Не знаю. Этого я как раз и понять не могу.

— Может, дома, где... ну, до того, как она к нам переехала. А сюда с собой его взять мама ей, конечно, не разрешила, из-за нас. Поэтому она и горюет.

— Да брось, она тогда нашего Отто и не знала вообще.

Обе умолкают, погрузившись в недоуменное раздумье. Мучительная загадка не дает им покоя. И снова не выдерживает младшая:

— Ребенок? Да нет, невозможно. Откуда у нее ребенку взяться? Она ведь не замужем, а дети только у тех, кто замужем, ну, или женат, это я точно знаю.

— Может, она была замужем?

— Ты совсем дурочка, что ли? Не за Отто же!

— Но как тогда?..

Ничего не понимая, они смотрят друг на дружку.

— Бедная барышня, — с жалостью говорит одна из них. Эти слова, сопровождаемые вздохом сострадания, будут звучать в их разговорах все чаще. Но снова и снова к состраданию примешивается любопытство.

— Интересно, это мальчик или девочка?

— Откуда же знать...

— А что, если ее как-нибудь спросить... Поделикатнее, как бы между прочим, совсем-совсем невзначай...

— Ты спятила!

— Ну почему?.. Она же такая добрая с нами.

— Придумаешь тоже! Разве нам про такие вещи говорят? От нас же все утаивают. Стоит в комнату войти, все тут же умолкают, а с нами только о всяких глупостях сюсюкают, будто мы дети малые, хотя мне уже тринадцать. Какой смысл спрашивать, если тебе все время только врут?

— Но мне так хочется узнать!

— Думаешь, мне нет?

— Знаешь, чего я совсем не понимаю — как этот Отто вроде бы совсем ничего не знал? Как можно не знать, что у тебя ребенок? Это все равно что про родителей не знать.

— Да он просто прикидывался, этот прохвост. Он вечно прикидывается.

— Но не в таких же вещах. Это он только с нами, когда дурака валяет, разыгрывает нас, штуки всякие подстраивает...

Тут в комнату входит барышня. Девочки тотчас умолкают и делают вид, будто прилежно занимаются. А сами то и дело исподтишка на нее поглядывают. Похоже, веки у барышни покраснели, да и голос как будто слегка осипший и чуть подрагивает. И лишь иногда воспитанницы с какой-то благоговейной робостью осмеливаются впрямую поднять глаза на свою гувернантку. «У нее ребенок, — снова и снова напоминают они себе, — из-за этого она такая печальная». И сами не замечают, как постепенно эта печаль передается и им тоже.

* * *

На следующий день за столом их ожидает внезапное известие. Отто решил от них съехать. Заявил дяде, что у него экзамены на носу, надо усердно заниматься, а тут ему слишком мешают. Поэтому он снимет себе комнату где-нибудь на месяц-другой, пока все не утрясется.

Обеих сестер эта новость повергает в тихое смятение. Тотчас уловив связь между этим событием и вчерашним разговором, они обостренным детским чутьем смутно ощущают в отъезде кузена подлость, трусливое бегство. Когда Отто подходит к ним попрощаться, они, не сговариваясь, поворачиваются к нему спиной. Однако краем глаза обе следят, как он подходит к барышне. У той чуть подрагивают губы, но она спокойно, ни слова не проронив, подает ему руку.

За считанные дни девочек будто подменили. Им не до игр больше, и звонкого смеха их нигде не слышно, глаза потускнели, куда подевался их живой, радостный блеск. Беспокойство, смутная тревога поселились в детских душах, а еще диковатое, как у зверенышей, недоверие ко всем окружающим. Что ни скажут им взрослые — за каждым словом девочкам чудится обман и коварный подвох. Дни напролет они только подсматривают и выслеживают, стараясь не упустить ни жеста, ни интонации, ни движения бровей или губ. Вездесущими беззвучными тенями шмыгают они по дому, подслушивают у дверей в жадном стремлении вызнать хоть что-то, им страстно хочется сбросить со своих неокрепших плеч тяжкий, темный невод непонятных взрослых тайн или хоть крохотную ячейку в этой сети обнаружить, чтобы сквозь нее снова узреть знакомую явь привычной жизни. Детская доверчивость, эта блаженная, безмятежная слепота, навсегда спала с них. А кроме того: в предгро-

зовой духоте нагнетающихся событий они предчувствуют грядущую развязку и боятся ее упустить. С тех пор как они ощутили вокруг себя путы лжи, они постоянно настороже и сами стали хитры, бдительны и лживы. Подле родителей они ведут себя пай-девочками, мгновенно прячась в личину наивной детскости, но при первой же возможности тем неудержимей вырываясь из этой личины в лихорадочную порывистость неумного любопытства. Все существо их пронизано нервическим беспокойством, их глаза, источавшие прежде тихое умиротворенное сияние, стали теперь как будто глубже и таят в себе искристые отсветы незримого пламени. Но чем беспомощнее их подглядывание и шпионство, тем сильнее тянет их друг к другу сила и тепло взаимной сестринской любви. Вот почему, когда им особенно тоскливо и так хочется понимания и нежности, гнет нестерпимого неведения иной раз бросает их друг дружке в объятия — или вынуждает расплакаться ни с того ни с сего. Без всякой, казалось бы, видимой причины в их жизнь вторглось тревожное предчувствие беды.

Среди многих обид, которые они лишь теперь научились замечать, одна особенно мучительна. Даже не стовариваясь, молчком, они решили, что теперь, когда барышня так печальна, будут делать все, чтобы как можно больше ее радовать. Все задания они теперь выполняют тщательно, помогая друг дружке и не ропща на трудности, ведут себя тише воды ниже травы, стараясь угадать и предупредить любое желание своей воспитательницы. Но барышня их стараний даже не замечает, и вот это ранит их до глубины души. Она в последнее время совсем другая стала, сама не своя, как в воду опущенная. Иногда скажешь ей что-нибудь, а она даже вздрагивает, будто очнувшись, будто ее разбудили. И взгляд такой, словно она откуда-то, совсем издалека вернулась.

Иной раз часами молча сидит, ничего вокруг не замечая. Девочки тогда ходят вокруг на цыпочках, лишь бы ее не беспокоить, со смутной тревогой догадываясь: это она, должно быть, о ребенке своем думает, который, бедняжка, где-то далеко. И тем сильнее, всеми фибрами пробуждающейся женственности, они любят свою барышню, которая теперь стала с ними такая добрая и совсем не строгая. И даже походка, прежде такая горделивая и энергичная, теперь у барышни более плавная, какая-то почти бережная, да и все движения как будто осторожнее сделались, — во всех этих переменах девочки ощущают все ту же потаенную, глубоко скрытую кручину. Ни разу не видели они, чтобы барышня плакала, но веки у нее часто покрасневшие. Они понимают, барышня скрывает от них свою боль, и они в отчаянии оттого, что не в силах ей помочь.

И вот однажды, когда барышня, отвернувшись к окну, как бы невзначай подносит платок к глазам, младшая, в порыве внезапной решимости, осторожно берет ее за руку и тихо говорит:

— Мадемуазель, вы такая грустная в последнее время. Но правда ведь, это не по нашей вине?

Барышня смотрит на нее растроганно и мягко гладит по волосам.

— Нет, детка, нет, — говорит она. — Уж точно не по вашей.

И нежно целует ее в лоб.

* * *

Так они и живут все эти дни, постоянно начеку, ничего не упуская из вида, покуда как-то раз одна из девочек, внезапно войдя в комнату, не успевает кое-что услышать. Всего лишь пару слов, клочок разговора

между родителями, тут же оборванного при ее появлении, однако каждое даже вскользь брошенное словцо теперь разжигает в сестрах тысячу подозрений. «Мне тоже это бросилось в глаза, — проронила мать. — Что ж, я поговорю с ней начистоту». Девочка сперва приняла сказанное на свой счет и тут же поспешила к сестре за помощью и советом. Однако за обедом обе замечают, как родители, то и дело пристально посматривая на отрешенное лицо их гувернантки, в конце обеда многозначительно переглядываются.

Когда все встают из-за стола, мать как бы между прочим говорит барышне:

— Зайдите, пожалуйста, ко мне. У меня к вам разговор.

Барышня кивает — тихо, покорно. Девочки трепещут от возбуждения, они чувствуют: сейчас что-то произойдет.

И едва барышня входит в комнату матери, обе кидаются следом и притикают к двери. Подслушивать, подглядывать, затаиваться по углам — все это стало для них самым привычным делом. Им даже в голову не приходит видеть в этом что-то неподобающее и постыдное — ими владеет одна лишь мысль, одно стремление, одна страсть: разорвать завесы тайн, что застыт от них правду жизни.

Они прислушиваются. Но сперва до них доносится лишь шелестящий шепот, слов не разобрать. Обеих уже бьет дрожь — до того им страшно, что они опять все упустят.

Но вот там, за дверью, кто-то повышает голос. Это их мать. И говорит она зло, рассерженно:

— Вы что, думаете, все вокруг слепые? Полагали, никто ничего не заметит? Представляю, как вы исполняли свои обязанности, при таком-то образе мыслей и таких,